

ВВОДНОЕ СЛОВО

Друзья мои! Мы собрались здесь для того, чтобы обсудить проблему конца истории... Что, простите? Нет, не конца света! Конца истории! Конечно, это может случиться одновременно... но вовсе не обязательно. Слово «эсхатос» означает конец света? Вовсе нет! Слово «эсхатос» означает пребывание на краю... Мы объясним выбор слова – чуть позже, с Вашего позволения. Да, известное слово «эсхатология» происходит от греческого «эсхатон», которое вовсе не означает конец света. Оно означает «конец». В данном случае – мы пытаемся взглянуть на проблему конца истории. Почему конца истории? Потому что для разумения современного способа видения мира именно эта проблема оказывается одной из наиболее значимых, ключевых, стягивающих в себя множество ниточек вопрошания. Мы не собираемся устроить обсуждение известной концепции Ф. Фукуямы, но мы намеренно использовали именно его определение проблемы – конец истории. Ибо речь у Фукуямы идёт о прекращении истории вне уничтожения мира – история кончается, ибо ей просто незачем больше существовать. Человечество при этом продолжает жить. Сразу оговоримся – мы не собираемся ни критиковать, ни опровергать Фукуяму. У нас совсем другие задачи.

Хотелось бы попросить у читающего эти строки прощения за риторические жесты – дело в том, что для авторов этих строк понятие «Эсхатос» связано, в первую очередь, с аудиторией, коллоквиумом, публичным обсуждением. Представленный сборник является результатом работы международного семинара «Эсхатос: философия истории в предчувствии конца истории», организованного осенью 2010 г. усилиями Одесского национального университета имени И.И. Мечникова (Украина) и Пермского государственного университета (Россия), и являющегося, как мы надеемся, частью ряда мероприятий с той же тематикой. Сборник не является «стенограммой» семинара – как это всегда бывает с переходом из «аудиторного» в «письменный» формат, происходят определённые корректировки. Программа семинара также представлена в настоящем сборнике, поэтому интересующийся будет иметь возможность с ней ознакомиться.

В чем состояли задачи семинара, и как возникла идея его проведения? Совместная включенность в обсуждение судеб исторических концепций подтолкнула организаторов семинара присмотреться к специфической проблеме предела, прерывания исторической непрерывности, которая (проблема) вспыхивает в видении истории с завидной регулярностью. Не будучи сторонниками максимально обобщающих выводов, которые удо-

влетворяются констатацией того факта, что в переходные эпохи обостряются эсхатологические настроения (что это добавит к пониманию восприятия истории?), мы предприняли попытку объединить для разговора специалистов из нескольких областей гуманитарного знания, которые в контексте собственных исследований касались проблемы конца истории.

Стоит конкретизировать, конец *чего* мы пытаемся увидеть. История в сознании европейца последних двух тысяч лет представляется закономерным процессом развития людских сообществ, который имеет начало и, вероятно, конец. История понимается как направленное изменение, что подспудно содержит в себе представление о цели движения. Мы отдаём себе отчет, что бытие человечества вовсе не обязательно видится исторически – скажем, античное время циклично (соответственно, и история воспринимается не как цельный процесс, а как набор казусов), а «библейское» или средневековое еврейское сознание аисторично в силу чувства постоянной включенности в вечное¹. Мы даже не упоминаем здесь восточные варианты видения истории, чтобы не вовлечь себя в перечисление и сравнение. Мы упомянули античную и библейскую картины мира в силу того, что именно античная и библейская составляющие лежат в основе европейского (западного, если хотите) способа переживания мира – а именно этот способ оказывается историческим. Раз история не является «естественным» способом истолкования человечеством сути своего бытия, мы, находящиеся внутри исторического сознания, можем испытать потребность в понимании того, что есть то, в чем мы пребываем.

Как это ни удивительно, идея истории ни в чем так ясно не просматривается, как в представлении о её конце. Исходя из того, что западное понимание истории в целом телеологично, конец рисуется здесь в зависимости от понимания сущности процесса – мы должны представлять, к чему движется то целое, частью которого мы себя осознаём. Подобное представление – чистый фантазийный конструкт. Реального конца истории еще никто никогда не видел, выводы творцов идеи конца не могут быть верифицированы. Это область убеждений – идеологических, религиозных, философских... В зависимости от того, чем мы видим историю, мы можем представить её конец в виде достижения некоего идеального состояния человечества (как это происходит в любой концепции, так или иначе опирающейся на идею прогресса) или в виде свершения задачи человечества, после которого последует конец света (некоторые религи-

¹ Представление о цикличности античного времени является достаточно устоявшимся, аисторичность же иудейского сознания не столь очевидна для отечественного читателя. Мы позволим себе здесь сослаться на уже ставший классическим труд Й.Х. Ерушалми «Захор: Еврейская история и еврейская память», дабы читатель представлял себе, в каком контексте возникло наше утверждение.

озные картины мира). Конец истории может выглядеть трагически – к примеру, мировая катастрофа как естественный финал целенаправленной саморазрушительной деятельности человечества. А может и оптимистично – уже упомянутая концепция Ф. Фукуямы предполагает видение конца истории как окончания противоречий между политическими системами, победу демократического режима во всемирном масштабе, что снимает необходимость противостояния, войн, гонки вооружений. Человечество продолжает счастливо существовать вне противоречий. Да, сам Фукуяма через пару лет после создания концепции признал, что поторопился с констатацией конца истории, ибо назвали противоречия нового свойства, которые он не учел. В данном случае важно не это, а подход к истолкованию истории. Необходимыми атрибутами истории становятся «антагонизм» и «событие».

Этот момент мы хотели бы подчеркнуть – история мыслится как некая *часть* всего времени существования человечества, связанная с трудным преодолением бедствий, антагонизмов, продвижением по определённым ступеням – событиям, отмеряющим время окончания и начала нового этапа. Своего рода период, окончания которого человек может страшиться (вдруг это окажется концом света?), но о котором иногда и мечтает как об избавлении от непомерной тяжести земной жизни. По европейской истории периодически прокатываются волны эсхатологических страхов (это и страхи тысячного года, и конца XV в. – все не перечислишь). В этом же контексте могут рассматриваться и ожидания «заката» знакомой цивилизации, ощущение наступление нового мира (как у О. Шпенглера и многих современных теоретиков).

Но где-то рядом возникают утопические картины «мира наизуоборот», без событий, без борьбы и выживания. Скажем, явившаяся в английской и французской литературе XII–XIII вв. страна Кокань – это мир вне истории. Этому миру противопоказаны события, люди там не работают, но лежат под деревьями, с которых им в рот падают пряники и жареные перепела... Средневековый милленаризм также оказывается вариантом прерывания истории – после события второго пришествия на тысячу лет Сатана будет скован и праведники будут счастливо править вместе с Христом. Мир без противоречий и борьбы, следующий за великой битвой – разве это не напоминает конец истории Фукуямы? Прекращение истории не всегда осуществляется в невинных мечтаниях о сытой беззаботной жизни – вспомним кошмар Мюнстерской коммуны, когда тысячелетнее царство попытались приблизить, разорвав цепь исторических событий созданием идеальной общины праведников. В контекст милленаризма укладывается, скажем, и идея Третьего Рейха. Или описанный Мишелем Уэльбеком в

«Элементарных частицах» мир новых биологических существ, созданных уразумевшим свою никчемность человеком...

Желание положить конец истории может предстать и в виде отказа повиноваться «диктату истории». Если мы отказываем истории в значимости, отказываем ей в том, чтобы запоминать предоставляемые ею ориентиры – это конец истории как той связности, которая даёт возможность чувствовать причастность целому. Мы далеки от ламентаций на тему падения нравов, образованности и т.п. Нам хотелось бы обратить внимание на специфическую осознанную форму сопротивления, даже обвинения истории, развивающуюся в последние десятилетия. Разве забвение – не самое могучее оружие? Так дорийцы, не умевшие прочесть оставшиеся от микенцев письма, бродившие среди дворцов прошлой эпохи и представлявшие построивших их циклопов, не стали ли могильщиками микенской истории? Им незачем было знать про предшественников – и история Микен закончилась. Современного человека зачастую так тошнит от собственной истории, что он предпочитает её не видеть. Если историю отказать помнить, она закончится – знание о процессе в данном случае напрямую связано с существованием самого процесса. Историю отторгают, историю обвиняют. Как в той знаменитой формуле решения проблемы Герострата – только забыв его, мы уничтожим его деяние. Только забыв обманувший нас опыт идеи прогресса (кто после мировых войн, Освенцима и Хиросимы еще в состоянии говорить о прогрессе?), мы сможем, наконец, жить. Здесь и теперь. Хватит с нас событий.

Все эти моменты явления «конца истории» связаны с ощущением возможности прорыва ткани связанного бытия. Звук разрыва, отзывающийся в сознании конкретного живого человека, рождает чувство пребывания в пространстве «между...», «на краю», что невыносимо. В поисках «почвы», того незыблемого, что не подвластно трансформирующей силе истории, человек и творит свои эсхатологические проекты, стремится к достижению рая на земле, приближению конца света или к прикосновению к нерасчленённому потоку жизни, избавившись от диктата исторической связанности, в которой он – только винтик.

Момент ощущения пребывания на краю, ввиду предела переживался европейским человечеством не один раз. В разных формах, по разным причинам, с разными результатами. Общим оказывается *ситуация* ожидания, завершения целостности, «эквивокации» (в том смысле, в котором использует это слово Светлана Неретина) – видения в разные пространства из одной точки. Переживание конца истории в этой ситуации пребывания у предела и есть предмет нашего интереса.

Пытаясь найти общее определение для столь различных вариантов видения мира, мы остановились на слове «Эсхатос» (Ἐσχάτως), что тре-

бует некоторых пояснений. Древнегреческий язык исключительно богат терминами, связанными с понятиями рубежа, конца, предела. Можно выделить целый ряд лексических гнезд, изобилующих терминами, принадлежащими ко всем частям речи, со сходной, зачастую совпадающей семантикой – «гнезда» πέρας'a и τέλος'a, ἔσχατον'a и ὄρος'a («обитателями» данного «гнезда» оказываются, кстати, не только квази-платоновские «Όροι», «Определения», но и божественные дочери Зевса и Фемиды)... Иные из слов, родившихся в этих «гнездах», продолжают жить далеко за пределами родного языка и самой античности (таковы, например, τέλος и ἔσχατον, живущие в наших «телеологии» и «эсхатологии»).

При анализе лексических групп, связанных с понятиями конца или предела в древнегреческом языке, бросается в глаза одна, на наш взгляд, весьма значимая черта – крайняя амбивалентность, полисемия в пределах не только одного «гнезда», но зачастую – в пределах одного и того же слова. Например, в «гнезде» πέρας'a с глаголом περατόω («ограничивать», «определять») соседствует περάω («преступать пределы»), а в περαίνω парадоксальным образом совпадают значения «заканчивать» и «продолжать», «ограничивать» и «проникать сквозь преграду». В терминологической амбивалентности отражается амбивалентность самого предела – границы, одновременно разделяющей и соединяющей различные бытийные, смысловые и временные поля...

При том, что многие из терминов, относящихся к разным лексическим гнездам, могут выступать в качестве синонимов (например, в De anima, 433a, 16 Аристотель говорит о целевой причине как о «τὸ ἔσχατον ἀρχὴ τῆς προάξεως», превращая, таким образом, терминологически «телеологию» в «эсхатологию»), анализ значений, оказывающихся за пределами перекрывающих друг друга смысловых полей, позволяет уловить своеобразие каждой из таких лексических групп. К примеру, τέλος – это предел, мыслимый как исполненность, зрелость, завершённость (пути, труда, жизни, исторического процесса). Он может быть связан и с рождением (выношенного, зрелого плода), и со смертью (поскольку смерть принимает плод жизни – созревшей, насыщенной, утомлённой днями). Вместе с тем, семантическое гнездо «телоса» обнаруживает связь с мистериальными практиками¹: τέλος – это завеса, отделяющая мир человеческой повседневности от мира сакрального. Не случайно в текстах Нового Завета (Евр. 9:26, 1 Кор. 10:11) и, скажем, у Оригена «эсхатологическая» перспектива «последних времён», и грядущего «свершения веков» терминологически

¹ Τελέω – это и «завершать», и «посвящать в таинства»; словом τελεστικός можно характеризовать и обычную целеустремлённость, и «жизнь человека, причастного таинствам» – Платон, Федр, 248d.

связана именно с τέλος'ом или даже с συν-τέλος'ом (иными словами, терминологически новозаветная эсхатология оказывается «телеологией»).

Однако именно чересчур тесная связь «гнезда τέλος'а» с идеей насыщенности, исполненности препятствует избранию этого термина в качестве ключевого для нашего семинара. В той чрезвычайно пёстрой, противоречивой традиции, которую мы могли бы назвать «историей эсхатологии», идея предела, конца истории может переживаться и как внезапный разрыв, чуждый какой бы то ни было логике направленного процесса. В древнегреческом мы находим другое лексико-семантическое гнездо – «гнездо ἔσχατον'а», – в котором идея «предела» раскрывается в своём наиболее ясном и чистом виде, без прикрас: οὐ τοῦ ἐσχάτου ἐσχατώτερον εἶη ἄν τι («не может быть ничего более крайнего, чем (просто) крайнее»¹). Ἐσχατον указывает на предел как на своего рода чистый экстремум (доблести² или низости, границы географической области или длящегося процесса). Это тот бесструктурный предел, который является основой любой структуры (τά ἔσχατα в значении «элементы», «атомы») – или чета пределов, в рамках которой может существовать любая структура. «Пребывание в точке предела» (а именно таковым, на наш взгляд, является предчувствие конца истории) не может быть описано посредством объективирующей терминологии; этот непротяжённый, а потому необъективируемый локус может быть мгновенно «схвачен» лишь изнутри – не существительным, но наречием, выявляющим это «нахождение на пределе, на грани, на рубеже». Именно такое наречие мы и находим в «гнезде ἔσχατον'а» – это и есть наш Ἐσχατῶς.

Сказанного достаточно, чтобы понимать, о чем этот сборник. Мы позволим себе представить ещё несколько соображений личностного характера, значимых для «авторов идеи» Эсхатоса, ибо за ними (как нам кажется) видно то проблемное поле, которое не просматривается напрямую в представленных текстах. Это, в первую очередь, те смысловые узлы философии истории, которые связаны с природой рождения исторического знания в контексте экзистенциальной ситуации историка, а также проблемы методологического поля исторического и философско-исторического познания в контексте понятия «опыта».

¹ Аристотель. Метафизика, 1055a, 20 – 21.

² Ср. Пиндар. Олимпийские песни. III, 42–45: «Если лучшее в мире – вода,/ Если достойнейшее из благ – золото,/ То в доблестях людских – Ферон/ Ныне достиг предела (σχατιάν), коснувшись Геракловых столпов» (пер. М.Л. Гаспарова).

Настоящий сборник посвящен памяти Петра Михайловича Бицилли, погружение в историческую концепцию которого, собственно, и вывело нас на идею проведения семинара «Эсхатос: философия истории в предчувствии конца истории». За год до семинара, в год 140-летия историка, мы собирались на чтения его памяти. Тогда же стало ясно, что проведение общих «чтений памяти» оказывается не особенно продуктивным, когда речь идёт о столь разноплановом мыслителе, как П.М. Бицилли.

Гораздо более интересно было бы опираться на некий определённый теоретический узел его концепции, используя его как отправную точку; не только анализируя подход самого историка, но и просматривая направление развития изучаемых им проблем. П.М. Бицилли – мыслитель удивительно современный. Дело тут даже не в ощущении дежавю, которое переживал всякий, кто прикасался к его трудам в постсоветское время, будучи вскормлен школой Анналов и трудами А.Я. Гуревича. Как такое можно было писать до Марка Блока и Люсьена Февра? Мы меньше всего хотим раскапывать сюжеты из области «истории одесского первенства» и lamentировать по поводу того, что вот, мол, у нас было раньше, но школа Анналов сумела пустить в оборот. Речь об удивительной современности переживания Петром Михайловичем истории.

Мы не можем здесь углубляться в анализ пересечения между переживанием истории в концепции Бицилли и некоторыми современными вариантами философии истории. Направление взгляда в эту сторону определяла уже Т.Н. Попова, к исследованиям которой мы отсылаем интересующихся¹. Для нас здесь важно зафиксировать те элементы взгляда историка, которые оказываются удивительно общими для его и нашего времени. Предельная бережность к Чужому в его инаковости (а прошлое – Чужая страна, как заметил один современный теоретик), уверенность в том, что исторический нарратив убивает прошлое в его особости, описание опыта схватывания прошлого (то, что Ф.Р. Анкерсмит называет «возвышенным историческим опытом») и т.д.

П.М. Бицилли был тем историком, который умел смотреть в прошлое, как в зеркало, видя его предельную инаковость и одновременно находя в нём отклик на вопросы собственного времени. Он не насиловал ткань исторической действительности параллелями или грубыми аналогиями, но умел в «возвышенном историческом опыте» (пользуясь определением Ф.Р. Анкерсмита) пережить тот момент прикосновения к прошлому, который делает более ясным наше пребывание в собственном времени. Прошлое не отвечает, не подсказывает, ему безразлично и нас ему не видно, –

¹ Попова Т.Н. Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Эйдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 4. – К., 2009. – С. 210–235.

но с его помощью настраивает собственную оптику тот, кто способен прошлое чувствовать. Переживание истории Петром Бицилли трагично – в нём остро чувствуется невозвратимость, невозможность повторения даже в форме адекватного понимания, окончательный и бесповоротный уход. В истории не существует «принципа обратимости», возможности реставрации, нереализованные пути останутся таковыми навсегда.

Из точки признания за прошлым права на неприкосновенность П.М. Бицилли задаёт ему вопросы собственного времени. Одним из таких вопросов был вопрос конца истории, заката цивилизации, Европы (специально подчеркнём – «одним из...»: проблема конца истории отнюдь не является для Бицилли главной). Бицилли напряженно слушает средневекового человека, чувствующего надвигающийся разлом времён. Не для того, чтобы эффектно процитировать почившего в начале XIII столетия монаха и вызвать рукоплескания дам – «Ах, как современно!» И не для того, чтобы успокоить собственную душу рассуждениями в духе Экклезиаста – уж сколько раз ждали и конца света, и конца событий... всё пройдёт, и это тоже... Как историк глубокий и в высшей степени профессиональный, не позволяющий себе ходить путём «вчувствования» и «интуиции» как фантазирования недостающих деталей, Бицилли умеет, словно в просвет между облаками, «схватить» общность экзистенциальной ситуации, прочувствованной человеком как первой четверти XX века, так и высокого средневековья. Это создаёт особую оптику видения собственного времени.

Не потому ли мы так внятно *услышали* разговор Бицилли с Иоахимом Флорским, что собственное наше время болеет теми же вопросами? Мы живём в странную эпоху концов и пределов: эсхатологических страхов (2012, Апокалипсис по Ванге...) и надежд на наступление новой эры (эры Водолея или конца истории...), видения перспектив формирования новой конфигурации мира, которая для многих аналогична концу света. Когда в 1925 г. П.М. Бицилли издавал «Очерки теории исторической науки», ситуация переживания разлома была, как минимум, не менее острой. Вглядываясь в способ вопрошания прошлого в работах Бицилли, мы предположили, что наша эпоха время соотносится с временем «конца Европы» так, как сам «конец Европы» соотносился со средневековыми эсхатологическими проектами, изучаемыми историком. Три точки взаимного вопрошания, связанные нашим взглядом, и стали точками опоры в формировании идеи семинара «Эсхатос». Мы посчитали плодотворным обговорить варианты прерывания истории, существовавшие в контексте средневекового мировосприятия, эпохи *Fin de siècle* и сегодняшнего дня.

Подход этот и был реализован в работе семинара и в том сборнике, который читающий сейчас держит в руках. Мы изначально планировали определённый междисциплинарный люфт, предполагая, что участие в

обсуждении могут принять не только историки и философы, но и представители других областей гуманитарного знания. Естественными участниками разговора оказались культурологи (мы помнили искреннее возмущение одной из представительниц культурологического цеха на чтениях памяти Бицилли 2009, которая отказывалась признавать Бицилли историком – он сам звал себя так только потому, что слова «культурология» тогда не было создано). Несколько неожиданным оказалось участие в сборнике представителя поля правовых исследований. Оказалось, что идея конца истории просматривается и здесь. Мы попытались посмотреть на образы конца истории в разных срезах культуры – в философских концепциях, в массовом сознании, в конкретных эсхатологических проектах.

Подобный подход был использован в сборнике, материалы которого вдохновили нас в начале работы над «Эсхатосом»: «End of days: essays on the apocalypse from antiquity to modernity», вышедшем под редакцией Керолин Кайнен (K. Kinane) и Майкла А. Раена (M.A. Ryan) в 2009 г. в издательстве McFarland (Jefferson NC). Авторы объединило желание понять, каким образом идея предела (в данном случае, конца света) живёт в сознании представителя западной цивилизации от античности до наших дней. Исследования осуществлялись на абсолютно разном материале – от священных текстов до современной фантастики. Сборник стал своеобразным итогом и продолжением учебного семинара, в ходе которого студенты выявляли апокалипсические матрицы «в различных средах» и были поражены вездесущностью идеи конца и разнообразием претендентов на роль антихриста. Слушая лекции по средневековой апокалиптике, студенты могли получить задание выявить те же мотивы в сообщениях масс-медиа, современном кинематографе (классическими вариантами современной апокалиптики оказываются «Звёздные войны» и «Матрица») или маргинальных мультсериалах типа американского South Park. В сборнике упоминается даже такой вариант задания, как проведение ролевой игры на материалах концепции Иоахима Флорского. Как им это удалось? Одному Богу ведомо, но тексты сборника явственно показывают, что это не поверхностные игрища на поле внешних пересечений, а поиски неких глубинных узлов человеческой культуры, когда через глубокое погружение в материал ушедшей эпохи студент получает возможность иного видения собственного времени.

Мы в своей области пошли тем же путём. Настоящий сборник может быть назван преимущественно экспериментальным, он объединяет работы не только представителей различных областей гуманитарного знания, но и различных жанров – мы решили объединить академические исследования с философской эссеистикой и поэзией, поставив перед собой задачу обнаружения неких смысловых узлов проблемы «конца истории» и

избежать вторичности. Поэтому и объём статей было решено не стандартизировать.

В контексте обсуждения на семинаре проблемы «возвышенного исторического опыта» и достаточно неожиданного соприкосновения общеметодологической оптики П.М. Бицилли и Ф.Р. Анкерсмита обнаружилась необходимость разговора о многомерном мышлении и создании того языка, на котором могли бы говорить представители разных дисциплинарных полей в период обнаружения неких новых проблем, мерцающих где-то «между», в зазоре традиционного взгляда. Появление мыслителей, работающих именно в этом зазоре, оказывается возможным как раз в эпохи ощущения «предела», «пребывания на краю». Вспомним в этом контексте В. Беньямина или Й. Хёйзинга, работы которых вызывали недоумение представителей традиционной науки их собственного времени и создавали основание для развития принципиально новых областей гуманитаристики XX столетия. В трагической судьбе В. Беньямина преломилось «пребывание на краю» теоретика и личности. Именно в этой точке соприкосновения фокусируется наше ощущение проблемы «эсхатоса».

Возможно, именно вот эта фокусировка в точке пересечения «экзистенции» и теории привела нас в один прекрасный момент к ощущению того, что символом семинара оказался (организаторы готовы сказать – «вызвался быть») Angelus Novus Пауля Клее, в котором в своё время Вальтер Беньямин разглядел Ангела истории. Именно этот образ настойчиво оказывался рядом, когда мы обсуждали концепцию мероприятия.

Несколько слов Вальтеру Беньямину... И приступим к обсуждению...

О.А. Довгополова
А.А. Каменских

«У Клее есть картина под названием “Angelus Novus”. На ней изображен ангел, выглядящий так, словно он готовится расстаться с чем-то, на что пристально смотрит. Глаза его широко раскрыты, рот округлен, а крылья расправлены. Так должен выглядеть ангел истории. Его лик обращен к прошлому. Там, где для нас – цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрерывно громоздящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам. Он бы и остался, чтобы поднять мертвых и слепить обломки. Но шквальный ветер, несущийся из рая, наполняет его крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним поднимается к небу».

Беньямин В. О понятии истории